

Юлия Валентиновна Ветрова
регент хора церкви Рождества Иоанна Предтечи (Чесменской)

и

Марина Валентиновна Михайлова
*кандидат философских наук, доцент кафедры
искусствознания Санкт-Петербургского
государственного университета кино и телевидения*

в авторской программе «Словарь»
на радиостанции «Град Петров»
17 мая 2006 года

ЗЕМЛЯ

М. Михайлова: Добрый вечер, дорогие братья и сестры. С вами программа «Словарь», ее ведущая Марина Михайлова, и сегодня мы с вами будем говорить о слове «земля». Книга Бытия открывается словами о том, что «в начале сотворил Господь небо и землю». В прошлый раз мы с вами созерцали небо, размышляли о том, что такое небо, каков опыт неба в богословии и в нашей жизни. А сегодня мы должны спуститься на землю и поговорить о том, что стоит для нас за словом «земля», как мы ее понимаем, как мы ее чувствуем, как о ней рассказывает культурная традиция. Для разговора о земле я пригласила Юлию Ветрову, регента хора Чесменской церкви, человека, который, как мне кажется, очень хорошо понимает, что такое земля. Во всяком случае, когда я обратилась к Юле с этим приглашением, то она мне сказала: «Земля — это наше все, как Пушкин». Мне бы хотелось для начала задать такой вопрос. Что значит: «земля — наше все»? Как ты это чувствуешь и что такое земля для тебя, в твоём личном опыте человеческом?

Ю. Ветрова: Добрый вечер, дорогие друзья. Что такое земля? Я думаю, твердо можно сказать, что для каждого человека в определенном возрасте это становится очень важным. Когда мы маленькие, мы об этом не думаем совсем. Когда мы становимся чуть-чуть трудоспособными, наши родители сажают нас на грядки. А поскольку у нас есть занятия

поинтересней, то мы, конечно, всячески пытаемся избежать этого, и для нас это, в общем, тяжкая повинность или наказание, уж никак не радость. Но чем мы становимся старше, тем больше нас всех почему-то тянет к земле. Не случайно очень многие люди вообще забрасывают городскую жизнь, уезжают на природу, за город. Я думаю, это совершенно не случайно, потому что человек начинает с возрастом чувствовать свое родство с этой самой землей, из которой мы взяты и в которую мы уйдем, как сказано. Для меня сейчас это стало немаловажно, я думаю в силу того, что я перешагнула какой-то возрастной порог.

М. Михайлова: То есть земля для тебя — это уже не наказание, а скорее благо и радость?

Ю. Ветрова: Да, это радость, безусловно, потому что она дает силы, об этом говорили и писали во многих замечательных литературных произведениях, не говоря уже о Святом Писании. Земля действительно дает силы человеку. Я думаю, это не случайно. Это лишнее подтверждение, лишнее свидетельство нашего с ней родства, родства нашей плоти с этой землей.

М. Михайлова: Да, и мы можем вспомнить изначальный рассказ Книги Бытия о том, что Господь взял прах земной и создал из него человека. Мы убеждаемся в ходе своей жизни, что это действительно не метафора, мы как-то соприродны земле, мы с ней одинаковы, мы ее очень хорошо понимаем и чувствуем. И в этом, конечно, с одной стороны — радость наша, а с другой стороны, земля действительно может быть наказанием. Как говорит Господь Адаму, «проклята земля из-за тебя». Оказывается, что земля разделяет с человеком его судьбу, она все время с нами рядом. Небо — это нечто недостижимое, нечто такое, к чему мы стремимся, а земля — это часть нашей жизни. Примерно так получается в Книге Бытия.

Ю. Ветрова: Да, конечно, это правда.

М. Михайлова: И если продолжать эту тему: ты говоришь, что земля привлекает человека с возрастом. Я тоже очень много думала об этом: почему возникает феномен дачника в нашей жизни? Как только начинается весна...

Ю. Ветрова: Дурацкое слово «дачник», не люблю его страшно, не надо называть меня дачником.

М. Михайлова: Нет, я не о тебе. Хорошо, почему народ стремится к этим сельскохозяйственным забавам? Вот почему все хотят, чтоб у них был клочок земли?

Ю. Ветрова: Да потому, что это счастье, потому, что это чудо, потому, что погрузить руки в землю — это совсем не то, что в какую-нибудь грязь или лужу. Земля не вызывает ощущения перепачканности рук. Ощущение в высшей степени приятное — перебирать вот эти комочки земли в любом качестве. Это время, сейчас, когда весна, когда сошел снег и начинает пробуждаться природа, — уже само по себе чудо. Это потрясающее время. Это настолько успокаивает душу, это настолько поглощает все внимание, когда ты притаскиваешься из последних сил, садишься на свой клочочек земли, как ты выразилась, и слушаешь сначала, как сохнет земля, с которой только что снег сошел. Слышно, как она сохнет — вот этот легкий треск...

М. Михайлова: Это только музыкант может услышать.

Ю. Ветрова: ...Потом начинают проклевываться первые росточки из ничего. А уж когда сам занимаешься каким-то посевом, когда мертвое сухое семечко — ты ждешь, ждешь, на него дышишь, и оно вдруг оживает — это же самое большое свидетельство о Боге. У меня был спор давний с моим свекром. Он у меня если не безбожник, то сочувствующий, скажем, человек, не вполне готовый к принятию веры и церкви. И я всегда была с ним в конфронтации. Почему? Он, наверное, лет двенадцать назад переселился со своей женой, моей свекровью, в деревню насовсем. И я приезжала туда, в эту глухомань совершенную Новгородской области, куда и добираться-то пять часов какими-то кругаями невероятными, там почти ничего не ходит, никакого транспорта. Мечта поэта. И он ковырялся в земле с утра до вечера, у него там была какая-то скотинка, и он смотрел на рассвет и на закат, жил среди всего этого и говорил мне: «Ну, Бога же нет». А я отвечала: «Да что вы, Евгений Васильевич! Да как же можно, посмотрите же кругом! Ну, раскройте же глаза! Что вокруг нас, как не доказательство бытия Божия и чудо сотворения мира?»

М. Михайлова: Да, земля — это, конечно, книга между книг. Действительно, все богословы говорят: «Господь оставил нам две книги. Это Священное Писание и мир, в кото-

ром мы живем». Я готова поддержать эту тему — чудо земли. У меня была тоже такая повинность семейная — выращивать помидорную рассаду. И для меня это было удивление: ты берешь крошечное семечко, которого не видно, погружаешь его в землю, там поливаешь водичкой, и в конце лета получается помидор. Он же огромный, этот куст, на нем плоды...

Ю. Ветрова: Огромный, как дерево, да.

М. Михайлова: Да. И я поэтому думаю, что все притчи Христовы о растениях — про зерно горчичное, про поля — это в гораздо большей мере притчи о земле...

Ю. Ветрова: Да, конечно.

М. Михайлова: ...Потому что вот она, сила земли, которая человека делает человеком. Ведь когда мы говорим «почва», то мы чаще всего это слово употребляем метафорически...

Ю. Ветрова: Да.

М. Михайлова: ...Почва как то, что нас питает, дает нам жизненные основания и позволяет нам расти.

Ю. Ветрова: Да, это так.

М. Михайлова: От темы почвы, земли как прекрасной питательной среды очень естественно было бы перейти к теме земли-матери, потому что во всех древних культах, во всех сказках земля — это Мать сыра-земля. Не просто какое-то поле или огород, а это Мать.

Ю. Ветрова: Да, она обоготворялась в языческих традициях. Это, конечно, не случайно.

М. Михайлова: И это отчасти сохраняется в христианстве, потому что, скажем, иконописная традиция изображает Богородицу в одеждах красно-коричневых тонов в напоминание о том, что Богородица — это дочь земли, это то, что земля, мир человеческий приносит Христу Богу. В этом, конечно, нет прямого языческого смысла, но, тем не менее, признание значения материнского земли здесь существует, и в акафистах тоже есть Мать Божия как «земля, колос прозябшая неоранный и непосеянный миру».

Ю. Ветрова: Там множество сравнений замечательных.

М. Михайлова: И в том числе — Богородица как земля. И вот еще что. Я, конечно же, припасла стихотворение, потому что без русской поэзии говорить о словах было бы по меньшей мере наивно. Это стихи Владимира Соловьева, где он говорит о земле-владычице.

Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.

В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.

И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Я очень люблю эти стихи, потому что, как мне кажется, в них есть некоторое объяснение того феномена всем известного, что земля дает утешение, само прикосновение к земле, к ее плоти теплой и жизнеспособной дает нам жизненное основание и почву. Почему это так? Потому, что земля способна соединиться с небом, она обращена, раскрыта к небу в любви, об этом Владимир Соловьев и говорит:

И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Ю. Ветрова: Да, земля, конечно, обращена к небу, и к небу обращено, тянется к небу все, что из нее растет. Когда мы в первый раз приехали в наш приходской палаточный лагерь на Вуоксу, отец Андрей, мой хороший знакомый, сказал такую вещь: «Посмотри на деревья, они молятся», — и я увидела, как это правильно, как это замечательно сказано. Все тянется к небу, все тянется к Богу, все растения, которые берут начало из земли, тянутся к небу, конечно, они связаны и с землей, и с Небом.

М. Михайлова: Я всегда думала — но это уже другая тема, про дерево, — что человек похож на растение, потому что у дерева, например, должен быть корень, который уходит в глубину, и тогда оно тянется вверх и способно к этой молитве, и то же самое с человеком. Духовно состоятельным, действительно обращенным к небу, наверное, является тот человек, который укоренен на земле, который ценит землю — уже не в смысле почвы, а в смысле человеческого мира, мира нашей жизни, реальности, какой она нам дана.

Ю. Ветрова: К началу нашего разговора возвращаясь, хочу сказать вот о чем. По молодости мы все стремимся к чему-то духовному, нам кажется таким низменным занятием ковыряться в этих грядках, мы считаем, что все это недостойно нас, что есть вещи гораздо более возвышенные. А с возрастом и, наверное, с мудростью приходит понимание, что это совсем не так.

М. Михайлова: Духовный мир, по-видимому, и находится вот здесь, на земле?

Ю. Ветрова: Конечно.

М. Михайлова: Для того чтобы его достичь, совершенно не нужно все земное отрицать.

Ю. Ветрова: Для того чтобы его достичь, невозможно стоять на асфальте, иногда все-таки надо вставать на землю.

М. Михайлова: Это да, это несомненно. Теперь мы перейдем к следующему: мы уже сказали, что земля — это почва, несомненно, та питательная среда, на которой все растет, зеленеет, а также духовная почва. Вместе с тем, когда в контекстах самых разных, библейских и поэтических, появляется слово «земля», то возникает идея, скажем, жизненного пространства человека. Земля как страна, простор, некое место обширное, широколежащее, спокойное. И мне кажется, что этот опыт у нас тоже есть, и есть даже совместный опыт путешествия по земле.

Ю. Ветрова: Да, нет ничего приятнее, чем покорять просторы...

М. Михайлова: Пересекать пространства земли...

Ю. Ветрова: Это точно.

М. Михайлова: И в этом смысле тоже современный человек очень часто бывает лишен созерцания этого пространства земли, этого простора обширного, потому что мы пользуемся, например, самолетами.

Ю. Ветрова: Да, скорость, конечно, лишила возможности созерцать.

М. Михайлова: Конечно, путешествие должно быть неторопливым, когда человек может землю измерять, соразмерять с собой, как-то на ней существовать. Может быть, он даже захочет жить на земле, отказаться от нашего городского образа жизни, когда мы действительно то на асфальте, то в бетонном таком гнездышке между этажами, а попробовать

жить на земле. И что тогда из этого получается? Этот опыт — чем он для нас драгоценен, как ты думаешь?

Ю. Ветрова: Это счастье жизни, это мечта. Это мечта, когда она осуществится, я думаю, все станет по-другому, потому что, когда человек общается с землей, с природой в целом, он, конечно, перестает суетиться, перестает дергаться, приходит к нему какая-то мудрость. Я постепенно перехожу сейчас к этой мечте своей и провожу сейчас гораздо больше времени на природе, чем в молодые годы. Вот мы с маленьким сыном провели почти ползимы, считай, в садоводстве пустынном, где кроме нас почти никого не было. У нас там двадцать домов, и зимой три населено, то есть практически поле, снег и мы. Это счастье.

М. Михайлова: Вот это как раз простор земли.

Ю. Ветрова: Это простор, потому что эта тишина есть присутствие Божие, безусловно. Когда исчезает шум, когда нет постоянного раздражителя, каковы шум машин, музыка бесконечная, которая отовсюду гроыхает, сотрясая воздух, и землю, и все на свете, и мозги в том числе, — так вот, когда все это затихает, ты вдруг оказываешься в тишине, когда слышно, как растут цветы, как птички чирикают, как соловей поет. Какие у нас там соловьи!

М. Михайлова: Надо нам выехать туда с микрофоном и записать, чтоб все порадовались.

Ю. Ветрова: Это, конечно, присутствие Божие во всем, оно слышно.

М. Михайлова: Продолжая наши размышления о земле, что еще хотела бы я отметить: когда мы открываем Священное Писание, прежде всего нам земля раскрывается как мир человеческий. Когда в начале Книги Бытия говорится, что «сотворил Господь небо и землю», то сразу же возникает какая-то невидимая черта: небо — это мир ангельский, мир Божественный. Пусть это не жилище Божие, но хотя бы его преддверие. А вот земля — все-таки это мир, где живут люди, и поэтому когда речь идет о земле в Священном Писании, то чаще всего она именно противопоставляется небу. Но в то же время это противопоставление никогда не бывает жестким и абсолютным, потому что небо и земля смотрят друг на друга, они все время в диалоге находятся, и отсюда двойственная природа человека. Господь сотворил Адама из

праха земного и вдохнул в него дыхание жизни, поэтому получается, что и в нас самих, внутри, некоторым образом и небо и земля присутствуют, и они могут или спорить, вступить в какой-то конфликт, или же находиться в равновесии. Так вот, какого человека мы бы назвали земным, какого небесным, а какого, скажем, единым, цельным человеком?

Ю. Ветрова: Небесным какого человека мы можем назвать? Наверное, такого нет человека, пока он ходит по этой земле.

М. Михайлова: Это хорошо, что он по ней ходит.

Ю. Ветрова: Конечно же, должно быть равновесие, нужно стоять на этой земле и нужно пребывать с Богом, небеса внутри нас есть. Ведь говорят же не зря, что и рай, и ад внутри человека, а не извне, присутствие Божие внутри человека каждого. Так что, безусловно, должно быть в нас и то, и другое, и земля, и небо, мне кажется.

М. Михайлова: Да, и вот еще одна тема: земля как граница между миром живых и мертвых. Ведь древние люди совершенно твердо размещали рай наверху, ад внизу. Тогда оказывается, что земля, как мы ее знаем, — это граница.

Ю. Ветрова: Да-да, как раз недавно мы рассматривали фрески в Георгиевском соборе в Новгороде. И там изображен ад, по представлениям наших предков, подземный мир. Наверху ангелы, а ад — это именно пещера, подземелье, геенна огненная.

М. Михайлова: Таким образом, земля оказывается еще и границей, пограничным миром, срединным. Пока человек на земле, у него еще есть возможности, у него есть выбор. Земля — мир человеческий: это тема, конечно, и для размышления культурологического. Например, как древние греки понимают землю? Они все время переживают ощущение какой-то страшной тайны, потому что для них земля — это тонкая-тонкая оболочка, а под ней раскрывается страшная глубина преисподней. И тут уместно вспомнить, наверное, знаменитый миф о происхождении времен года, о том, как была похищена дочь великой богини Деметры, ее унесли в подземное царство. В мифах ярко описывается само похищение. Там говорится о том, что цветущий луг исчез, раскрылась земля, и вдруг из этой черноты появляются черные-

черные кони, и вот они уносят несчастную Кору, дочь Деметры, в подземное царство. Земля всегда полна тайн, загадок, и с этим связаны, как мне кажется, не только мифы, но и разные детские игры. Ведь дети страшно любят копать землю. Их пока еще не привлекает процесс, скажем, выращивания растения, но зато они роют какие-то ходы в глубину, что-то они такое рассчитывают интересное найти в земле.

Ю. Ветрова: Это бесконечно увлекательный процесс, конечно, — узнать, что же там. И даже едят, между прочим, землю.

М. Михайлова: В смысле?

Ю. Ветрова: Ну, вот в полном смысле.

М. Михайлова: Дети едят землю?

Ю. Ветрова: Дети, да.

М. Михайлова: Это мне напоминает другие сказки. Во-первых, Маркеса, роман «Сто лет одиночества», где есть героиня, которая, как только ей становится грустно, бежит в сад и начинает есть землю, потому что только в этом она находит какое-то утешение и отраду. И еще есть чудная история о существах, которые поедают землю. Это «Нарния», помнишь? Там ведь есть деревья, которые участвуют в борьбе против злой колдуньи, против всех сил зла. И вот когда лев победил, воскрес, наконец, когда устраивается пир, то там много-много всякого угощения, а для этих деревьев лежит на больших подносах земля. И она всякая: есть земля темная, как шоколад, есть земля легкая, как халва, есть розовая, похожая на земляничную пастилу. Льюис это очень вкусно, очень красиво описывает. Земля как пища деревьев.

Ю. Ветрова: Да, это очень красиво. Он вообще очень аппетитно, с большим удовольствием описывает природу и простые вещи.

М. Михайлова: Мне кажется, это свойство англичан, часть английской культуры — привязанность именно к земле, их культ природы.

Ю. Ветрова: Может, потому что они островитяне? Это как-то связано?

М. Михайлова: Несомненно, связано. И тогда мы открываем новую грань слова «земля». Ведь земля — это еще суша в противоположность морю.

Ю. Ветрова: А если учесть, что моря гораздо больше...

М. Михайлова: Больше во сколько, в шесть раз, по моему? Нас учили на географии.

Ю. Ветрова: Ой, я не буду врать, но, во всяком случае, гораздо меньше пространство суши, чем окружающая вода. Тогда новый смысл появляется.

М. Михайлова: Итак, мы сказали: земля — почва, земля как человеческий мир, срединный мир между преисподней и высотой небес. Земля как суша — это тоже неисчерпаемо. Скажем, этот самый возглас: «Земля! Земля!» Все книжки приключений, которые мы когда-то в детстве читали, на этом построены: и наконец они увидели землю! Столько мучились, страдали, претерпевали разные бедствия...

Ю. Ветрова: Ведь их никто не гнал в воду-то, и, однако, увидеть землю для морехода...

М. Михайлова: Они радовались и ликовали. Вот тоже тема: для того, чтобы полюбить землю, надо отправиться в море. Мы ценим только то, что можем потерять, да?

Ю. Ветрова: Конечно.

М. Михайлова: Первый наш герой — это Одиссей. Когда Борхес говорит, что в литературе всего четыре сюжета, которые бесконечно варьируются, то среди этих четырех сюжетов он называет «Одиссею». Одиссей совершает свой путь через бушующее море к твердой земле, он ищет свой дом, он должен вернуться на Итаку, где его ждут отец, сын, жена. Он должен стать человеком, наконец, в сорок лет. До этого он еще только учился жить, а теперь он должен вернуться домой настоящим человеком. Конечно, для греков земля — это то, что они научились любить благодаря своему опыту мореплавателей. Собственно, потом вся европейская литература так или иначе к этой теме возвращается: переплыть море и наконец достичь земли. Близки к этому наши песнопения: «Житейское море воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему пришед воию Ти...» Мы пересекаем море в ожидании земли. Между прочим, в буддизме — это, конечно, для нас далекая практика, но тоже человеческий опыт — говорится все время о том, что нирвана вовсе не является состоянием расслабленного блаженства, как иногда европейцы ее понимают. Нам кажется, что нирвана — это «плавание в голубом». Ровно наоборот, потому что Будда

говорит: нирвана подобна острову. До этого мы болтались в зыбкой воде, но мы выходим на твердую землю, мы пробуждаемся, наше сознание начинает работать, наконец мы понимаем, кто мы такие. Земля как устой, как фундамент, как незыблемое основание, на котором наша жизнь может действительно быть построена. Как тебе эта тема?

Ю. Ветрова: К сожалению, не могу похвалиться знанием...

М. Михайлова: Буддизма?

Ю. Ветрова: Философий восточных.

М. Михайлова: Но по ощущению?

Ю. Ветрова: В этом, безусловно, есть правда какая-то. Конечно, земля — это наше все.

М. Михайлова: Да, как Пушкин.

Ю. Ветрова: Человек не может без почвы под ногами, ему это необходимо. Трудно представить себе человека, потерявшего этот кусочек, потерявшего опору.

М. Михайлова: Здесь возникает еще одна тема, еще одно значение слова «земля». Мы говорим «русская земля», «земля обетованная», земля как страна, и это слово приобретает культурно-исторический характер: земля — это то место, та страна, в которой мы живем и с которой мы оказываемся связаны уже гораздо более сложными отношениями, чем просто с природой и с миром красоты и тишины. Мы отвечаем за эту землю, она нам доверена. «О, русская земля, уже ты за холмом», как сказано в древнем памятнике. Еще одно стихотворение я заготовила, которое я тоже очень люблю, потому что в нем есть такое переживание родной земли, которое мне очень близко. Помнишь, когда нас в школе воспитывали, то патриотическая тема была одна из центральных. Нам только и говорили, как мы должны любить, беречь родную землю, защищать...

Ю. Ветрова: Я вот как раз сижу и думаю, что сейчас потеряно, пожалуй, это ощущение у наших детей.

М. Михайлова: Потому что у нас цветет сейчас мультикультурный проект, когда мы все время говорим: а все равно. Где ни жить, что ни делать — все едино.

Ю. Ветрова: Да, безусловно, понятие русской земли стирается, потому что нам приносят все иностранное и говорят, что это хорошо, это правильно. И дети, другого не видевши в своей жизни, воспринимают это как естественность, как данность.

М. Михайлова: У нас есть звонок. Слушаем вас, пожалуйста.

Слушатель: У меня такой вопрос. Нельзя ли еще рассматривать так: земля — это часть природы. Природа эта огромная, космос со всеми его атрибутами можно рассматривать как часть природы. Вот эта природа и есть Бог, Который вечный и Который в вечном движении, в вечном изменении, от начала и до наших дней. От начала это уходит в бесконечность, и нет у Него начала, и нет конца. А библейские сказки о сотворении мира — это, по-моему, все-таки сказки, и мне вообще кажется, что христиане — это безбожники и святотатцы, потому что они верят не в Бога, а в библейские сказки о Боге, поклоняются не Богу, а иудейскому сектанту.

М. Михайлова: Так Вы думаете? Ну что ж, если это вопрос, то я готова как-то попытаться на него ответить. Если я правильно поняла, смысл вопроса в том, не можем ли мы природу, часть которой земля, рассматривать как Бога, Который безначален, бесконечен, развивается, как-то меняется. То, о чем Вы говорите, — это действительно одна из возможностей человеческого духа, и на этом строятся все языческие религии. Древние культы — это культы природы прежде всего, где Бог понимается как мир. Действительно, язычники верят, что Бог находится во всем, во всем, что ни есть на свете, присутствует частица божества. Но дело в том, что для сознания христианского и сознания библейского эта точка зрения оказывается невозможна, и вот почему. Христиане верят в Бога, Который больше этого мира и Который абсолютно иной по отношению к этому миру. Вы подумайте об этом: может ли художник быть равен своей картине? Конечно, нет, никогда, потому что для того, чтобы возникло какое-то произведение искусства или техники, необходим творец, который находится вне этого, вне материала. Творец совершенно иной по отношению к тому, что он делает. И поэтому Библия утверждает, действительно, что Бог — это Творец мира, это не мир, а его основа, без которой не может быть природы. Бог — Творец, и Бог есть Дух. Он никак не может быть отождествлен с природой. Вы говорите, что у мира нет начала и конца. Как раз ученые прекрасно доказали, что этот мир когда-то возник, а значит, он когда-то кончится, и в

этом нет никакой тайны для современных людей. А что касается того, что христиане верят не в Бога, а в библейские сказки, — знаете, мне кажется, что все-таки, когда мы встречаем людей, исповедующих другие взгляды по отношению к нашим, было бы очень правильным соблюдать уважительную дистанцию. Христиане — это люди, которые пришли к Богу в результате собственного опыта. Было бы странно думать, что мы все начитались каких-то сказок, нам они понравились, и вот мы так и живем. Все-таки за библейским созерцанием стоит опыт человеческий, который ничуть не меньше, чем опыт языческого, пантеистического переживания мира. Пожалуй, больше ничего не буду говорить по этому поводу. Да, мы любим землю, но мы ее любим именно как творение Божие, как Его дар, который мы принимаем из Его рук. И мне кажется, что такое удивление и восторг перед землей, перед природой никак не противоречат идее и переживанию Бога-Духа, Бога-Творца. Не знаю, насколько я смогла ответить на вопрос. Хочешь еще что-нибудь сказать об этом?

Ю. Ветрова: Полностью поддерживаю. Конечно, мир — это подарок нам, конечно, это не сам Творец.

М. Михайлова: Так вот, если возвращаться к нашему разговору о земле как родной земле, стране, в которой мы живем и которую мы принимаем под свою ответственность, то вот стихи Анны Ахматовой, они так и называются «Родная земля»:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах,
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Для меня это истинное переживание родной земли: наша связь с ней абсолютна, мы вернемся в нее. Мы вышли из нее,

и мы ложимся в нее в последний день своей жизни. Поэтому, может быть, нет даже никакой особой необходимости о ней много говорить, а просто переживать ее как нечто родное и близкое. Отсюда другой вопрос, другая проблема: каким образом этому можно научить детей? Наш опыт общения с детьми и собственными, и в воскресной школе...

Ю. Ветрова: И даже не в воскресной школе. Слушая эти стихи, я вспоминала урок музыки, который вела на прошлой неделе, я преподаю музыку в школе. Мы читали дивное письмо Фредерика Шопена. Начало звучит приблизительно так: «Милая, дорогая, единственная, как я несчастен, что нахожусь вдали от тебя», — а дальше детям предлагается угадать, к кому обращено письмо.

М. Михайлова: И какие варианты были?

Ю. Ветрова: Конечно, первая мысль у детей была, что это какому-то близкому человеку — жене, возлюбленной и так далее. Но из продолжения письма становится понятно, что Шопен писал к своей родине утраченной, страдая вдали от нее. Конечно, мы должны быть благодарны тем людям, которые могут облечь эти мысли и чувства в форму поэтическую, как Анна Ахматова, или музыкальную, потому что произведения Фредерика Шопена настолько глубоко укоренены в ощущении Родины, его музыка настолько польская, настолько неотделима от родины композитора. То же самое можно сказать о Рахманинове, который покинул нашу родину в годы Октябрьской революции и закончил свои дни на чужой земле. Однако даже в советские времена никому не пришло в голову назвать его нерусским композитором, потому что его творчество настолько глубоко несет в себе именно русскую тематику, ничего другого и не возникает даже при восприятии этой музыки перед глазами, кроме как русский пейзаж. Это именно русская традиция, русский распев знаменный, русская народная песня. И для меня это всегда большое удивление, когда у человека есть дар облечь любовь к родной земле в форму потрясающую, совершенную, чтобы донести другим людям это свое ощущение. Потому что, конечно, мы бываем косноязычны, трудно выразить свои ощущения, да мы об этом и не говорим. На самом деле, часто ли сейчас люди говорят о любви к родине? Вернусь к школьной программе музыкальной: только что проходили «Александра

Невского», музыку, которая была написана перед Великой Отечественной войной Прокофьевым, чтобы поднять патриотический дух страны. И фильм Эйзенштейна, и сама кантата, вся музыка была призвана поднять патриотический пыл, ощущение родины своей. Было создано множество произведений об этом, и каждый раз тема — защита самыми простыми людьми своей земли. Самые простые люди готовы встать грудью, защитить от врага, не отдать ни кусочка, ни пяди, ни клочка. Это удивительно, и очень обидно, что сейчас у наших детей, к сожалению, такого ощущения родины нет. Надо, конечно, этим заниматься.

М. Михайлова: Именно через культуру можно воспитать это чувство.

Ю. Ветрова: Через культуру, безусловно. Об этом надо говорить, потому что, к сожалению, на примере политических поступков нашего правительства, явлений массовой культуры очень трудно детям объяснить, что хорошо, а что плохо. Но это нужно делать, и меня радует, что какие-то попытки все-таки делаются людьми. В частности, учебное заведение, где я сейчас оказалась в качестве учителя музыки, было создано именно как попытка возродить патриотические устои. Конечно, до результата там далеко-предалеко, но все-таки... В Павловске была создана кадетская школа. Ее целью является именно поднятие патриотического духа, воспитание чувства родины в мальчиках наших, в современных деточках, развинченных, много лишенных, чтобы у них это все-таки было. Я думаю, что в конце концов усилиями педагогов это удастся сделать.

М. Михайлова: Мы попросим и наших слушателей подумать о том, что такое наша земля для нас, как она прекрасна в качестве части природы, как она драгоценна как наша культурная среда, в которой мы живем, которая нас питает, делает нас людьми. Давайте попробуем поделиться этим опытом с нашими детьми, с теми из подрастающего поколения, кто нас окружает, потому что только через живую связь поколений можно осуществить переживание земли как самой большой драгоценности и самого великого дара, который дает нам Господь. До свидания, всего вам доброго.

Ю. Ветрова: Всего доброго!